

«Светотени»

Попкова Дарья Сергеевна

Сцена 1. Торговый зал супермаркета. Помещение освещено ярким неестественно-глянцевым светом. Играет спокойная музыка, под которую неспешно циркулирует несколько посетителей.

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС: « Мы знаем, как поведет себя человек, попавший в зону контроля»

Показывается камера видеонаблюдения. Камера наезжает на одну из посетительниц ИННУ, стоящую перед полками. Изображение зернистое. Это миниатюрная женщина, выражение лица и одежда которой складываются в один завершённый образ элегантно-наивности, взгляд её будто безразличен и не сфокусирован, блуждает с полки на полку.

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС: « Сейчас она возьмет светло-зеленую упаковку прямо на уровне глаз. Запомните, главное, чтобы цвет вызывал правильные ассоциации»

Женщина идет к кассе.

Камеры переглядываются друг с другом, словно обсуждая что-то. В это время закадровый голос: «Мы знаем, где она пройдет, на что обратит внимание в первую очередь, какие запахи возбуждают в ней аппетит. Мы не можем рассчитать только одного...»

Кадр из-за спины женщины. Перед ней открываются двери, и она растворяется в черноте позднего вечера.

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС: « ...как она будет действовать в темноте»

Сцена 2. Рука кладет на комод ту самую упаковку. Камера отъезжает, и мы видим Инну в узком коридоре с дымчато-пурпурными обоями. Вход в помещение завешан огромным количеством восточных тканей. Женщина пробирается через них и попадает в помещение небольших размеров. На стенах и полу в вольном порядке расположились персидские ковры. На подиумах стоят керамические кувшины и расписные блюда, щетинятся остриями кинжалы. Шеду: полулюди - полубыки смотрят на посетителей пустыми глазницами. Единственное окно плотно закрыто тканями. Свет идет сверху, отражаясь разноцветными бликами от мозаики. На невысоком столике стоит статуэтка рыси, из глаз и пасти которой курится дым, за

ним, запрокинув голову, сидит женщина с полными плечами и о чем-то рассуждает про себя. Инна подсаживается к столику, старается сесть как можно более расслабленно, но в каждой позе, которой она принимает видно напряжение.

ИННА (как бы небрежно): Ну, что они ответили?

ЛЕНА оживает, ведет плечами и недовольно упирается локтями в стол

ЛЕНА: Пока тебя не было, я прокрутила в голове несколько вариантов. В одном из них мы умираем от голода на зарплату искусствоведа. Самый неприятный - это кредит.

Инна не показывает никакой реакции.

ЛЕНА (распаясь): А что они ответили? Содержать музей, размером с каморку – это безумие. Сказали, что к нам заходят только когда на улице дождь, а из подлинников у нас что? Только рысь и пара блюдец.

ЛЕНА: Дали номер упаковщика. Считай, последний гвоздь в крышку гроба забили.

Инна растерянно гладит рысь.

ИННА: Интересно, к какому музею ее теперь прикрепят?

ЛЕНА: Да ни к какому, она как сюда первая, вместо кошки зашла, так и останется. И ковер останется, и книги. Они у меня отсюда ни одной плиточки не вынесут. Я нашла выход, очень узкий, правда, но если мы обе возьмем в руки лопаты...

ИННА (продолжая гладить рысь с водянистым рассредоточенным взглядом): Какой выход?

ЛЕНА (задорно): А получить президентский грант на поддержку! В номинации, скажем, «сохранение памяти в области культуры и искусства». Если сельский музей Карелии смог, то мы и подавно: а там одна карельская изба и две скатерти. У нас есть цели, у нас есть задачи, у нас есть обоснование. Осталось все это написать и оформить. Ты как, готова посидеть до трех ночи?

ИННА: (стараясь говорить непринужденно) Вообще-то я сегодня хотела уйти пораньше.

ЛЕНА: ...необычно для тебя

ЛЕНА (после нескольких секунд молчания): Да ладно тебе, как будто в первый раз нас закрывают. Ну-ка, обнаружь настрой! Сложно было по аукционам да коллекционерам побираться, а это так, житейское.

ЛЕНА: Завтра развешаешь?

Лена берет со стола кипу объявлений, строчки которых приглашают посетить музей, и передает их Инне. Инна, не глядя, откладывает их в сторону.

ИННА: Знаешь, я хотела...

Звенит колокольчик, обе вздрагивают и с надеждой смотрят на вход.

МУЖЧИНА (выпутываясь из тканей на входе): Понаве-е-шали тряпок

В помещение заходит семья: женщина, тучный мужчина, дочь подросткового возраста и сын, от нетерпения выющийся под ногами родителей.

МАТЬ: Скажите, а где здесь кинотеатр?

Мальчик вертит головой, осматриваясь.

ИННА: Он в соседнем здании, вы немного промахнулись.

ДОЧЬ: Маам, мы и так на тридцать минут опаздываем, там уже вся реклама прошла.

СЫН (вопрошающе заглядывая в глаза родителям): И что, теперь домой?

МАТЬ (словно вспомнив что-то страшное): Нет, нет, нет, только не домой!

МУЖЧИНА: Ну что ж –ж, давайте заглянем сюда. (назидательно) Это дети –Египет.

Лена (улыбаясь): Древняя Персия и Иран

Мужчина (хмыкнув): Персия...один черт

Девочка краснеет за отца. Пытается исправить ситуацию и подходит к рельефам.

ДОЧЬ: А это, скажите, пожалуйста, сфинкс?

ИННА (тихим, но чётким голосом): Это, подойдите все сюда, мальчик, отвлекись от кинжалов, Шеду. Химера-защитник, дух-хранитель, впервые он появляется на дворце Сарагона второго в Дур-шаррукане.

МАТЬ (мужу): Лицо как будто бы твоё

ОТЕЦ (посмеиваясь): А тело твоё

СЫН: Давайте уже посмотрим оружие!

ИННА (загоревшийся было взгляд потухает, вместо него появляется легкая улыбка):

Давайте я лучше расскажу вам несколько интересных фактов о Персии. (Мужчине)

Персы пили вино не разбавленным и смеялись над греками, считавшими такое поведение варварством. (Женщине) они часто заводили гаремы, им нужно было как можно больше детей, которые были бы настоящими аристократами: высокими, сильными, готовыми к бою, поэтому девочки знатного рода выходили замуж как можно раньше. (Мальчику) они очень жестоко относились к взяточничеству. С одного из судей, уличённых во взятке, сняли кожу и натянули ее на стул. Позже на

нем работал судьей его сын. (Дочери) уже тогда они пользовались косметикой, а хна и басма пришли к нам именно из древней Персии.

ЛЕНА (шепотом): Может, ты перестанешь объяснять так бегло и расскажешь им что-нибудь дельное?

ИННА (глупо улыбаясь): Зачем, если им это не нужно?

Семья в это время рассредоточилась по залу.

ЛЕНА: Так заинтересуй их

ИННА: Они снова притворятся, что им интересно, а сами будут думать о том, как бы быстрее уйти отсюда. С людьми нужно быть проще.

ЛЕНА: Проще?

ИННА: Говорить на их языке. Будь проще и люди к тебе потянутся

ЛЕНА: Но какие люди?!

ИННА: Это и не только с людьми работает, нужно ко всему проще относиться.

ЛЕНА (в полный голос): И к нашему делу ты теперь относишься также?

ИННА (горячась): Мне надоело, что меня просто не понимают, надоело, что люди считают, что со мной даже посмеяться нельзя, что я сижу постоянно в подвале и пытаюсь разобрать, что написано на кувшинчиках. Хотя за окном, за окном знаешь что?

Она одергивает штору с окна, и мы видим контраст теплого красочного помещения и серых панельных строений снаружи.

ИННА: А за окном реальность

ИННА (успокаиваясь): Слушай, слушай, нам ведь предлагали. Постоянный график работы, отпуск, соцпакет. Это не так уж и плохо, наконец. Нам не придется доказывать каждый день другим и самим себе, что мы сидим тут не зря.

Лена долго смотрит Инне в лицо, молча выходит. Инна рассеянно прощается с посетителями, обменивается с ними любезностями. Гасит свет. Маска безразличия спадает. Взгляд ее становится строгим и осмысленным, разрушая образ. Она ходит от экспоната к экспонату, прикасаясь к ним нежно, как к святыням, перед ней проносятся истории их создания в мельчайших деталях. Устало садится за столик и включает радио.

БОДРЫЙ ГОЛОС ИЗ ПРИЁМНИКА: « Вас приветствует передача «Герой нашего времени»! И сегодня Артемий Лебедев скажет нам несколько слов о гедонизме»

АНДРЕЙ: «Мы ощущаем его как что-то отвлеченное, но на самом деле гедонизм больше не философское течение, теперь это образ жизни. Цель каждого разумного существа скрыта в наслаждении, мы ищем его в пище, сне, музыке, обладании вещами, мы стараемся продлить это чувство как можно дольше. Представьте на секунду, что мы не рождены, чтобы страдать и работать, как об этом думают многие, мы рождены только, чтобы брать самое прекрасное от этого мира. Что же мешает нам? На самом деле какие-то мелочи: страхи, чье-то мнение или наше собственное (ехидно) благородство...»

Сцена 3. Улица. По тротуару бежит пухлоногий мальчик, сопя и постоянно подтягивая лямки рюкзака. Цвет рюкзака можно определить с трудом, во-первых из-за его застиранности, во вторых неимоверного количества значков. Рыжие кудряшки наверху переходят в клок черных волос, навевая ассоциации с обгоревшей головешкой. Элементы одежды на нем что-то безмолвно кричат: кислотного цвета майка, из-под которой торчит еще одна, более мешковатая, клетчатые шорты, разного цвета носки. Он останавливается, чтобы отдышаться и спокойно присоединяется к компании молодежи, расположившейся на лавочках у торгового центра. Толпа пестрит украшениями и мало сочетающимися друг с другом цветами.

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: О! Горелый!

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: Огарочек вернулся

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: Сала-а-ам, братан

Стасик делает приветственный жест толпе, жмет некоторым руки и хлопает по плечам.

СТАСИК (заразительно улыбаясь): Об чём речь?

ДАНИЛА, один из толпы, с торжественным видом вручает Стасу лист бумаги с текстом, под которым стоят две размытые сиротливые подписи, больше похожие на тест Роршаха.

ДАНИЛА (на вопросительный взгляд друга): Это, дружок, петиция, просим общественность.

СТАСИК: А чего мы от неё хотим?

Толпа начинает галдеть, кто-то хватается Стаса за руки.

ДАНИЛА: Граждане, тише, тише. Все мы здесь энтузиасты. Здание на весеннем бульваре знаешь? Кривое такое, аварийное.

СТАСИК: Это, которое плесенью заросло наполовину?

ДАНИЛА (радостно кивая): Ага. Мы против того, чтобы его разбирали!

СТАСИК (искренне заинтересовавшись): Почему?

ДАНИЛА (замявшись): Ну... исторический вид здания... облик города..., но да это не важно. Важно что? Что мы господа-товарищи, не прождав и два часа, собрали несколько подписей!

Толпа одобрительно ревет. Кто-то подбрасывает вверх кепку. Стасик быстро включается в работу и под гул собравшихся подходит к прохожему с петицией, тот делает вид, что занят и проскакивает мимо.

ДАНИЛА: Ты не на то давишь! Ты взываешь к его осознанности

СТАСИК: А надо? К сердцу?

ДАНИЛА: Надо давить на чувство гражданского долга. Смотри!

Данила подбегает к проходящей мимо девушке, снимает свою розовую панаму, расшаркивается, и, пока девушка пребывает в ступоре, начинает давить на чувство гражданского долга.

ДАНИЛА: И вы можете спокойно топтать тротуар родного отечества своими ногами? Пока вокруг происходит такое?

Робкий вопрос девушки «какое?» был подавлен пиитической речью Данилы.

ДАНИЛА: Конечно, конечно! Легче же на все закрыть глаза и не видеть ...(он замаялся, подбирая слово) последние конвульсии своей страны.

Девушка (лопочет): Я...шла...да у меня времени нет...

Данила (потрясая бумагой в воздухе): Конечно, легче говорить «я», вместо «мы», легче забыть прошлое своей страны, легче не подписывать петиций!

Девушка забирает бумагу из рук Данилы, подписывает и легкой трусцой отправляется дальше.

ДАНИЛА: Вот так вот, учитесь желторотики

Толпа хлопает. Стасик присоединяется. Все занимаются сбором петиций, параллельно завязывается разговор.

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: Слышали, что в Южной Корее уничтожили несколько миллионов птиц из-за птичьего гриппа?

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: О, свеженькое. Но уже слышал. Только мне казалось, что грипп был свиной.

КТО-ТО ИЗ ТОЛПЫ: Свиной грипп у птицы? Ты совсем сдурел?

СТАСИК: Я читал где-то, уже не помню, где, что нашли способ их вылечить...

Так они разговаривали довольно долго. Компания путалась в фактах, услышанных где-то мимоходом, обсуждала самые потрепанные языками новости и делала смехотворные выводы, продолжая сохранять важный вид. Внезапно, Стас широко открывает глаза и подбегает к ЗНАКОМОМУ, радостно здоровается.

ЗНАКОМЫЙ (кивая на лист): Что это у тебя?

СТАСИК: Да так, петиция, чтобы не сносили дом на Весенней

ПРОХОЖИЙ: Ну, тогда тебе еще придется организовать сбор подписей на возвращение в прошлое. Дом-то уже два месяца как снесли.

СТАСИК (обнимая знакомого): Боже, как я рад тебя видеть!

Тот смеется и треплет его по волосам. Потом осматривает его с ног до головы и, не говоря ни слова, берет его за руку, как маленького ребенка, и ведет за собой. Стас прощается с удивленной компанией. Уходят. Вслед им свистят и скандируют что-то.

СТАСИК: А куда мы?

ЗНАКОМЫЙ (кивает на одежду): Снимать с тебя весь этот балаган.

Прятели идут по улице, Стас непрерывно болтает. Они пускаются в подземный переход. Лампочки выбиты. Темнота.

ЗНАКОМЫЙ: Ну, а теперь давай серьезно, как живешь?

СТАСИК: Да много интересного произошло, на самом деле, и, как я рад, что хоть с кем-то можно нормально поговорить.

ЗНАКОМЫЙ: Разве ты не болтал сейчас без умолку часа два к ряду?

СТАСИК: Это совершенно не то. И не о том, что я хотел бы сказать.

ЗНАКОМЫЙ: Вот как...

СТАСИК (хлопая себя по лбу): Ах да, я же обещал при встрече фотографии

Знакомый кивает. Мальчик достает телефон, на экран вылезает вкладка с интернет шоу: «не желающих идти на удобную для всех коммуникацию»

ЗНАКОМЫЙ: Ну-ка, перемотай на начало

Стас смущается, делает движение, чтобы убрать телефон. Потом, как бы сдаваясь, включает видео: «Приветствую, с вами снова мультимедийная передача «Герой нашего времени», Артемий, вам слово».

АРТЕМИЙ: «Здравствуйте, буквально сегодня я встретился с человеком, заставившим меня задуматься о том, насколько мы все усложняем. Наш мир- это то, каким мы его воспринимаем, так зачем делать из мухи слона? Поймите, что «тонкая душевная организация»- это концепция для упрямцев, не желающих идти

на удобную для всех коммуникацию. Отбросьте все свои предрассудки, будьте проще, и жизнь станет легче!»

Сцена 4. Инт. Дача. На шезлонге вальяжно растянулся высокий мужчина, одной рукой придерживая девушку, заснувшую у него на груди. Волосы пшеничного цвета всклоочены и торчат в разные стороны, как грива. Из приемника на всю катушку играет инди музыка, в такт которой он покачивает пальцами ног.

СОСЕД: Слушай, нельзя ли потише?

ЛЕВ (улыбаясь): Но тогда музыка не раскроет свой потенциал полностью.

СОСЕД: Знаешь, я тоже полностью не раскрою свой потенциал. Я уже четвертый раз читаю инструкцию и никак не могу вникнуть.

ЛЕВ: Что мастеришь?

СОСЕД: Спутниковое устанавливаю, не хочешь помочь?

ЛЕВ: Извини, я сейчас занят

Он разводит руками, девушка бормочет что-то и переворачивается на другой бок.

СОСЕД: Ну да, как ты сюда переехал, ты постоянно занят, (нарочито громко перекрикивая музыку) бедняга!

Лев с наслаждением потягивается, наносит себе на нос густой слой крема, прикрывает глаза. Кадры умиротворенной, солнечной природы. Время тянется медленно и лениво. Внезапно музыку перекрывает короткий птичий крик и глухой удар, будто кто-то бросил на землю мешок с песком. Лев встревоженно приподнимается на лежаке.

СОСЕД: Сокол...

СОСЕД (подбегая к забору): Приставил лестницу... Влез... Ну прикручиваю...

Повернул тарелку к солнцу... Видимо, бликнула, и вот...

Сосед поднимает над забором раненного сокола, обмякшего в его руках. Из головы птицы струйкой течет кровь.

ЛЕВ: Зашивать нужно, жди меня

Лев вскакивает с лежанки, умудрившись не разбудить девушку, проворно перелезает через забор и, подгоняя соседа, заходит в его дом.

ЛЕВ: Принеси нитки, иголку, спирт и что-нибудь холодного. Есть что подстелить?

СОСЕД (растерянно): Даже не знаю

ЛЕВ: Газеты читаешь? Тащи газеты!

Кадр сверху: темнота. Единственная лампа, дающая холодный свет, направлена на сокола с распростертыми в стороны крыльями. Над ним склонились два мужчины - один бледен, другой предельно сосредоточен. Лев выстригает перья на голове птицы, обрабатывает рану перекисью, гладит пищащего сокола по клюву.

ЛЕВ (быстрым шепотом): Потерпи, пичужка, потерпи

ЛЕВ (накладывая последний шов) Вот теперь будет здоров. (Соколу) Отдыхай, ты теперь залатанный.

СОСЕД: Где ты так научился? Честно, я вообще не подозревал, что ты что-то умеешь делать

ЛЕВ: Я птиц очень люблю, раньше работал орнитологом

СОСЕД (облегченно выдыхая и вытирая неиспользованной газетой лицо): Ну ты даешь, конечно

ЛЕВ (с улыбкой) Так и не такое было: иногда лечишь птицу, носишься целыми сутками и совершенно не замечаешь, как проходит время, и когда она выздоравливает, ты, не выспавшийся, растрепанный, но счастливый, смотришь как она снова куда-то летит ... А потом вот прочитал одну статейку, решил, что нужно жить для себя. Гедонизм, понимаешь ли.

СОСЕД (смотря в пол): В каком-то смысле ты прав...

ЛЕВ (указывая на смятую газету в руках соседа): Забавно, здесь как раз похожая статья

СОСЕД (читает): «Артемий Лебедев. Герой нашего времени. Несколько слов о разговоре; Многие люди спрашивают меня: как поддержать разговор с незнакомым человеком, как найти ключ к каждому? Ответ прост: держите руку на пульсе.

Выявляйте модные течения, интересуйтесь последними новостями, затроньте каждую тему. Вы можете спросить: но как же освоить такой большой объем информации, Андрей? И я скажу: не обязательно по-настоящему разбираться в теме, запомните ключевые слова и мнения, а та...(Лев хмурится)

СОСЕД: Ерунда какая-то.

Лев: И то, правда. Ну что, время помочь тебе с телевидением. И да, можно попросить тебя об одном одолжении? Сожги к чёрту все эти газеты.

Сцена 5. Прозрачная витрина, за которой хорошо виден продуктовый магазин из первой сцены, краешек улицы, полностью погруженной в темноту, из витрины льется теплый свет. Внутри магазина идет своя, размеренная жизнь. От темноты

отделяется силуэт миниатюрной женщины, старательно клеит на витрину объявление и скрывается. Через несколько секунд на фоне витрины появляется тень кудрявого полного мальчика, он сбрасывает лишние значки со своего рюкзака, снимает еще что-то звенящее и швыряет прочь от себя. За ним следует высокая тень, с растрепанными гривой волосами, она достает из-за полы плаща тень сжавшейся в комочек птицы, гладит ее по клюву и выпускает на волю. Птица расправляет крылья и устремляется в небо. Тень смотрит на объявление, отрывает номер, затем вглядывается вглубь магазина, хмыкает и ускоряет шаг.